
ИДЕИ И ПРАКТИКА: СОДЕРЖАНИЕ МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ – ИДЕИ, ЦЕННОСТИ, УСТАНОВКИ

Т.В. Евгеньева, В.В. Титов*

ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО В РОССИЙСКОМ МАССОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ: МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. В статье анализируется мифологическая составляющая образов прошлого в российском массовом сознании. Отмечаются три основные тенденции: стремление массового сознания к мифологизации отечественной истории, призванное компенсировать слабость коллективного образа будущего; формирование позитивного дискурса советского прошлого, восприятие знаковых событий и персоналий советского периода вне идеи коммунизма, в контексте традиционных российских ценностей; фрагментация пространства политических мифов.

Ключевые слова: образы прошлого; массовое сознание; политический миф; кризис идентичности; политические символы.

* **Евгеньева Татьяна Васильевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: etv133@mail.ru; **Титов Виктор Валерьевич**, доцент, заместитель заведующего кафедрой политических исследований России и постсоветского пространства института истории и политики МПГУ, e-mail: titov-msu@mail.ru.

Evgenyeva Tatiana, Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, e-mail: etv133@mail.ru; **Titov Viktor**, Department of Russian and Post-Soviet Space Political Research, Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University, e-mail: titov-msu@mail.ru

T.V. Evgenyeva, V.V. Titov
**Images of the Past in Russian mass political consciousness:
Mythological measurement**

Abstract. The article analyzes the mythological component of images of the Past in the Russian mass consciousness. The authors point out three major trends: the tendency to mythologize the country's history in order to compensate the weakness of the collective image of the future; creating a positive discourse of the Soviet past, the perception of significant events and personalities of that period outside of the idea of communism, in the context of traditional Russian values; fragmentation of the political myth's space.

Keywords: images of the Past; mass consciousness; political myth; identity crisis; political symbols.

Актуальность проблемы

Проблема изучения массовых представлений о прошлом, специфики их формирования и динамики в условиях масштабных социокультурных трансформаций современности занимает важное место в системе приоритетов зарубежной и российской политической науки. В социогуманитарных науках уже накоплен серьезный научный потенциал, включающий как обширный теоретический материал (концептуальное осмысление исторической памяти в ее политическом измерении), так и множество национальных кейсов, демонстрирующих взаимосвязь образов прошлого, процессов формирования национально-государственной идентичности и специфики различных политических культур. Однако проблема мифологических оснований образов прошлого, сложившихся в современной России, требует дальнейшего изучения, более детальной проработки, в том числе с учетом влияния новых внешнеполитических реалий на развитие внутривнутриполитического процесса.

Теоретические основания исследования

Для анализа образов прошлого, циркулирующих в российском массовом политическом сознании, необходимо обратиться к четырем теоретическим блокам. Первый из них – совокупность политико-психологических исследований, в которых затрагивается

проблема массовых представлений и политических образов, их структуры и смыслового насыщения. В этом плане следует упомянуть исследования С. Московичи, Е. Шестопал, И. Самаркиной, Д. Ольшанского, И. Киселева [Московичи, 2011; Шестопал, 2011; Самаркина, 2012; Ольшанский, 2002; Киселев, 2007] и др.

Второй блок связан с проблематикой национально-государственной идентичности, ее исторических и символических оснований. В данном ракурсе интерес представляют работы С. Хантингтона, Э. Смита, Я. Ассмана, О. Малиновой, И. Семененко, И. Тимофеева [Хантингтон, 2003; Smith, 1999; Ассман, 2004; Малинова, 2015; Семененко, 2008; Тимофеев, 2008], а также исследования природы исторической памяти М. Хальбвакса, П. Нора, П. Хаттона, Э. Хобсбаума [Halbwachs, 1980; Nora, 1989; Hutton, 2016, *The invention of tradition*, 1983]. К данной группе тесно примыкает проблемное поле «политики памяти», которой посвящены работы А. Миллера, В. Бушуева, М. Колерова [Миллер, 2004; Бушуев, Титов, 2011; Колеров, 2014] и др.

Третий блок – труды о природе политического мифа, логике его зарождения и функционирования. Это работы С. Московичи, Т. Евгеньевой, И. Следзевского, В. Нечаева и др. [Московичи, 2011; Евгеньева, 2015; Следзевский, 2011; Нечаев, 1999]. Опираясь на классические теории мифологического сознания и восприятия действительности Г. Лебона, К. Юнга, М. Элиаде, А. Лосева и др. [Лебон, 2011; Юнг, 2005; Элиаде, 1994; Лосев, 1991] и теоретические концепции политического мифа Ж. Сореля и Э. Кассирера [Сорель, 2013; Кассирер, 2002], авторы анализируют роль мифа в различных макрополитических контекстах: локальном, этнорегиональном, национально-гражданском. Особый интерес представляют работы российских ученых, посвященные изменению роли политического мифа в кризисных условиях 1990-х – первой половины 2000-х годов.

Четвертый блок – теоретические и эмпирические исследования представлений россиян о собственной истории, знаковых фигурах и событиях прошлого. В этом контексте особого внимания заслуживают работы Л. Дробижевой, З. Сикевич, О. Головашиной [Дробижева, 2009; Сикевич, 2014; Головашина, 2013].

Формулируя концептуальные основания авторского исследования, представляется необходимым сделать два теоретических замечания.

Во-первых, мифологические представления – имманентная политико-психологическая структура массового сознания, которую необходимо рассматривать не как политико-технологический «конструкт» или следствие «издержек» недостаточной рационализации политических практик, а как сложное политико-психологическое явление, олицетворяющее темпорализацию политической культуры: постоянное стремление любого общества опереться на прошлый социально-политический опыт, особенно в условиях размытости массовых представлений о будущем. Другими словами, политический миф обогащает образы прошлого дополнительным смысловым потенциалом, придает им выразительный символический импульс в принципиально новых социально-политических реалиях.

Во-вторых, вопрос формирования и развития политических мифов невозможно рассматривать как частную проблему – вне контекстов национально-государственной идентичности и «политики памяти». Очевидно, что в условиях постсоветской нестабильности и фактического «отсутствия» государства в сфере исторического образования в 1990-х – начале 2000-х годов у различных групп россиян формировалась фрагментированная «картина прошлого». Результат этого процесса – сосуществование в сегодняшнем российском обществе отрывочных и зачастую взаимоисключающих представлений о прошлом, не способных обеспечить формирование полноценной национально-государственной идентичности.

Сказанное не отрицает возможности целенаправленного управления массовым сознанием со стороны политических акторов, обладающих серьезными медиаресурсами. Конструирование политических мифов о прошлом (или их отдельных элементов) с целью «побудить массы к действию в настоящем» [Сорель, 2013, с. 128], опирающееся на систему образов и символов, дает возможность направить массовые настроения (позитивные или негативные) на указанные этими акторами политические объекты или явления.

Основные характеристики советского политического мифа

XX век отмечен значительным разнообразием политических мифов. Это позволило немецкому философу Э. Кассиреру говорить о появлении своеобразной «техники», с помощью которой политические акторы стали изобретать политические мифы [Cas-

sirer, 1946]. Значимое место среди них занимает советский миф, полностью определявший систему представлений общества в СССР (по крайней мере до конца 1950-х годов). В нем присутствуют основные элементы мифа, который исследователи определяют как особого рода повествование или сообщение, содержащее совокупность представлений об окружающей действительности (или ее фрагменте), ценностей и норм. Последние обосновывают приемлемые и неприемлемые модели поведения для членов определенной общности [Барт, 2007, с. 233–234; Флад, 2004, с. 27–28]. К таким элементам можно отнести:

– безусловный, единственно «истинный» характер предлагаемых представлений, норм и ценностей, неизбежность, предопределенность описываемых событий («Учение Маркса всеильно, потому, что оно верно», «Наше будущее – коммунизм»);

– символические характеристики, приписываемые событиям, явлениям или объектам, символические отношения между ними, основанные не на логических, а на ассоциативных связях, восприятие любого из них в качестве особого знака, позволяющего понять, объяснить и предсказать происходящее;

– персонификация причины событий, объясняющих их замыслами определенных субъектов, наделенных особыми, сверхъестественными возможностями – персонификация, определяемая З. Фрейдом как «вера во всемогущество мысли» [Фрейд, 1990, с. 105–106]. С этим непосредственно связана своеобразная «магия имени», приписывание символического значения тем или иным словам, особенно именам собственным.

Среди системы представлений советского мифа можно выделить также следующие присущие архаическому мифу элементы:

– представление о существовании идеально упорядоченного «нашего» пространства и хаотичного, неупорядоченного «чужого» (исследователь архаической мифологии М. Элиаде называет их «Космос» и «Хаос» [Элиаде, 1994, с. 28]);

– представление о начале истории и ее окончании в форме победы коммунизма во всем мире.

Указанные свойства позволяют мифу выступать в качестве способа познания окружающей природной и социальной действительности, давая возможность члену социальной общности систематизировать получаемую информацию на основе простых и неизменных моделей – от формирования образов времени и

пространства (в том числе пространства социального, системы социальных отношений и статусов) до самоидентификации как одного из элементов предлагаемых моделей.

Наряду с этими свойствами, присущими мифу как повествованию, советский миф был еще и своеобразным образом жизни, принимаемым большинством в качестве единственной основы своего существования. Тем, что А. Лосев определял как «подлинная жизнь со всеми ее надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей ее реальной повседневностью и чисто личной заинтересованностью» («Миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная, действительность») [Лосев, 1991, с. 27].

В этой жизни героическое прошлое продолжало жить в настоящем, постоянно находясь как бы внутри него. Часто оно предстает гораздо более живым и привлекательным, чем настоящее. Культурные герои прошлого продолжают определять настоящее, а события прошлого заново воспроизводятся посредством многочисленных символов и ритуалов. По мнению М. Элиаде, с помощью ритуала общество пытается как бы воссоздать сакральное мифологическое время [Элиаде, 1996].

Миф в указанной концепции понимается как специфическая внеисторическая интуитивная форма познания окружающей природной (космологические мифы) и социальной реальности (социальные мифы), а также места в ней самого познающего субъекта, в основе которой лежит нерасчлененность субъекта и объекта познания (личность познает себя через идентификацию с общностью, пространство воспринимается как «наше» или «не наше», прошлое — как необходимый элемент настоящего и т.д.). Миф как форма познания не требует дополнительных доказательств истинности содержащейся в нем системы образов и представлений, так как сам по себе является их обоснованием.

Основные направления разрушения советского мифа

Споры об истории

«Живой» миф («сама жизнь», по А. Лосеву) делал существование советского человека упорядоченным и последовательным,

систематизировал представления личности как об окружающей ее природной и социальной реальности, так и о своем собственном месте в ней.

К началу 70-х годов прошлого века советский миф постепенно теряет одно из необходимых свойств: он перестает восприниматься в качестве абсолютного знания, на основе которого члены общества осознают и оценивают происходящие события и принимают значимые решения. При этом «живой» миф долгое время продолжает существовать в виде текста, который при необходимости успешно вербализируется как в политическом дискурсе, так и на личностном уровне, однако как сам текст, так и содержащиеся в нем и постоянно воспроизводимые символы и ритуалы лишаются своей символической составляющей. Не случайно особую популярность в конце 1970-х – 1980-х годах приобретают художественные и публицистические произведения, демонстрирующие «двойственный» характер восприятия социальной и политической реальности (можно вспомнить культовый документальный фильм 1986 г. латвийского режиссера Юриса Подниека «Легко ли быть молодым?», один из героев которого называет это «двуличностью» современного ему общества).

В подобных условиях история становится тем экзистенциальным пространством, в котором личность находит свою идентичность, смысл своего существования, основу для объединения с общностью. При этом в основу исторической мифологии могут быть положены реальные исторические события, оказавшие как позитивное, так и негативное влияние на развитие общности. Американский исследователь в области этнической психологии В. Волкан определяет их как «избранную общую травму» и «избранную общую славу» [Волкан, Оболенский, 1992, с. 41–42].

В основе споров об истории, выливавшихся иногда в непримиримое противостояние, лежат два разнонаправленных процесса. С одной стороны, как было сказано выше, общество пытается найти в ней новые смыслы – предметы и явления неожиданно перестают вмещаться в привычные оценочные рамки, причудливо меня местами положительные и отрицательные стороны.

С другой стороны, новые смыслы разрушают «живой» советский миф – этот процесс начался в 1970-е годы и особенно активно продолжался в период горбачевской перестройки. Бесконечные дискуссии в СМИ об оценке тех или иных исторических периодов в истории России, о роли тех или иных исторических личностей и

событий¹, с одной стороны, и окончательное разрушение сконструированного советским мифом образа будущего – с другой, к началу 1990-х годов дестабилизировали картину мира значительной части общества. Ценности и нормы, определявшие процесс самоидентификации личности, неожиданно изменили свое значение, а общепринятые цели оказались лишенными смысла. Разрушение самоидентификации личности в качестве «советского человека» при отсутствии адекватной компенсации привело к множеству личностных кризисов и социокультурному кризису общества в целом.

В 1990-е годы, в условиях ускоренного пропагандой разрушения целостного представления о российской истории, каждая этническая и региональная общность начала писать свою историю, поддерживая ее с помощью собственной системы символов и ритуалов. Символический смысл приобретают такие события, как празднования дня города или юбилея региона, где реальные даты играют абсолютно второстепенную роль. «Древность» региона, его постоянное присутствие в истории вместе с «особой» ролью, сыгранной им когда-то в судьбе России, служат средством символического повышения статуса общности. «Выдающиеся земляки» играют роль героев складывающегося исторического мифа, позволяя действующему региональному лидеру претендовать на роль культурного и политического вождя [Нечаев, 1999, с. 84–85].

Идеологические основания и мотивировки деятельности ряда политических лидеров и партий и сегодня апеллируют к мифологизированному прошлому. При этом в описании героического или, наоборот, трагического прошлого присутствует, как правило, такое свойство мифологического сознания, как персонификация причинности. Все происходящие события рассматриваются как проявление чьей-то доброй или злой воли. Это явление можно объяснить активизацией архаических элементов и структур массового сознания, характерной для периодов глубоких общественных и культурных трансформаций. Массовое сознание в своей логике уподобляется логике архаического мифа, который, по мнению К. Юнга, «исходит из следующей предпосылки: причиной всего является невидимая произвольная сила», именно поэтому «люди всегда нуждались в демонах и никогда не могли жить без богов» [Юнг, 1994, с. 111].

¹ Свообразными символами этой трансформации стали серии анекдотов, в которых действовали бывшие культурные герои советской мифологии – Чапаев, Штирлиц и др.

Образ героя

Все благоприятные события связаны в мифологии с волей Вождя или Героя, все враждебное, негативное есть результат действий таинственного врага. Отсюда мифологизация образов ряда исторических личностей, которые становятся центром, организующим общность, и приобретают сакральные функции. Не случайно каждое время ищет и находит в истории собственных культурных героев, играющих роль мистических символов. Действия, воспринимающиеся как враждебные по отношению к такому символу, вызывают гораздо более сильную эмоциональную реакцию, чем такие же действия, направленные против любого реального участника политической общности. Уничтожение символа воспринимается как конец, разрушение всей общности. Именно так значительная часть общества реагировала на предложения о захоронении тела Ленина. Историко-культурные и научные аргументы противников этого шага в большинстве своем являлись неосознанной рационализацией страхов, заложенных в массовом сознании.

Модель мифологизации лидера, сформированная в советской пропаганде по отношению к Ленину, активно воспроизводится в Екатеринбурге на базе Ельцин-центра и музея Ельцина. Структура музея ориентирована на конструирование образа мифологического героя, который вывел Россию из символической тьмы (затемненная анфилада «Лабиринта истории»), а помещения второго этажа носят названия семи дней («День первый», «День второй» и т.д.), которые должны вызвать ассоциацию с семью днями творения. Мультимедийный характер экспозиции создает своеобразный «эффект присутствия», погружения в атмосферу представленного периода истории, усиливая символическое содержание каждого из реальных или виртуальных экспонатов.

Справедливости ради следует отметить, что, судя по комментариям в Интернете, мифологизированный образ Б. Ельцина не получил безоговорочной поддержки в массовом сознании, каменную скульптуру перед зданием центра обливали краской, а региональное отделение движения «Суть времени» приурочило к открытию центра собственный проект – выставку «История

ельцинизма», предлагающую противоположный, но не менее мифологизированный образ Ельцина и эпохи 1990-х годов.

Конструированию мифологических исторических образов и символов способствует фрагментарность восприятия исторического процесса, в особенности совсем недавнего (советского и постсоветского) прошлого, характерная для молодого поколения, социализация которого пришлась на 1990-е годы. Тогда в курсе школьной истории появилось бесчисленное количество учебников, самым разным, вплоть до противоположного, образом излагавших и оценивавших те или иные исторические события и явления. Многие школьные учителя истории при этом, не всегда понимая, что следует говорить о российской истории XX в., на всякий случай не говорили ничего.

В процессе развития человеческого сообщества мифологические основания культуры, активизируясь в кризисные периоды, рождали потребность в идентификации с вождем или героем прошлого – как одно из главных условий самоидентификации личности. Не только давно умерший, но и живой герой постепенно теряет в массовом сознании свойства живого человека и приобретает символические характеристики. Для понимания этого достаточно сравнить содержание мифологизированных биографий современных политических лидеров, в которых конкретные события личной жизни приобретают одинаковый символический смысл.

Исследования показывают, что начиная с 2000 г. в массовом сознании происходит становление доминирующего позитивного образа – президента В. Путина, который воспринимается этим сознанием в значительной степени как символическая фигура (символ новой национально-государственной идентичности), а не реальная личность.

Образ «сакральной жертвы»

Для оппозиционных политических партий и организаций (различной ориентации) характерно конструирование другого мифологического образа – «сакральной жертвы», погибшей или иным образом пострадавшей от действующей власти. В роли такой жертвы может выступать не только лидер, но и рядовой активист.

Первая в постсоветской истории попытка создания образа «сакральной жертвы» была предпринята в августе 1991 г., когда три молодых человека, погибших в столкновении с танками в ночь с 20 на 21 августа, были сакрализованы в качестве героев борьбы за демократию. Однако впоследствии их имена были забыты и сегодня лишь изредка упоминаются в связи с событиями августа 1991 г. – возможно потому, что мифологический конструкт борьбы «демократов» против «коммунистов» как «битвы Добра со Злом» не приобрел законченной формы и был разрушен массовым разочарованием 1990-х годов, ассоциировавшихся у граждан с деятельностью «демократических» руководителей.

Среди либеральной оппозиции в роли «сакральной жертвы» периодически (как правило, в годовщины гибели) выступают Г. Старовойтова¹ и А. Политковская². В последнее время такой «сакральной жертвой», актуализирующей необходимость участия в новых политических акциях, стали «узники Болотной»³, а место мифологического героя (одновременно «жертвы режима») занял убитый в феврале 2015 г. Б. Немцов. Мифологизация героя приобретает относительно законченную форму с появлением наделенных особой «мистической» значимостью мест поклонения (как это произошло с Большим Москворецким мостом, на котором сторонники оппозиции неоднократно вывешивали самодельную табличку «Немцов мост») и с проведением массовых действий, приуроченных ко дню трагедии (проведение Марша памяти Немцова 27 февраля 2016 г.).

В определенных условиях образ «сакральной жертвы» может сыграть существенную роль в современных «цветных революциях». В этом случае он конструируется целенаправленно. Примером такого успешного конструирования на Украине стал образ «Небесной Сотни» – участников Евромайдана, погибших во время столкновений на площади Независимости в Киеве в феврале 2014 г.

В мифе как форме познания история, как правило, служит оправданию нынешнего состояния общества, действующих в нем

¹ Депутат Государственной думы первого и второго созывов, убита в ноябре 1998 г.

² Журналистка и правозащитник, убита в октябре 2006 г.

³ Арестованные в ходе столкновений с полицией участники протестной акции (так называемого «Марша миллионов») в районе Болотной площади 6 мая 2012 г.

ценностей и норм, а также целей и смыслов общественного развития. В этом контексте мифологические образы исторических личностей или событий содержат элементы познания и обоснования существующей социальной реальности. В связи с этим вполне закономерным представляется обращение к конкретным историческим символам в программных документах и агитационных материалах современных политических акторов – государственных институтов, политических партий и лидеров.

Этапы эволюции образов советского мифа (1990–2010-е годы)

Интересно проследить эволюцию образов советского мифа в сознании граждан и ее отражение в политической коммуникации.

1990-е годы продолжили линию на разрушение целостного советского мифа. Этот процесс, инициированный политическими лидерами и партиями, именовавшими себя демократическими, активно продвигался средствами массовой информации и получал поддержку в массовом сознании. Перемена отношения к символам советской мифологии (памятникам, именам, названиям) с положительного на отрицательный становилась основанием для их уничтожения. Происходило «переворачивание стереотипов», сформированных советской мифологией¹.

Наиболее последовательно технологии психологической отстройки от образов и символов советского мифа продвигались в ходе президентской кампании 1996 г. под лозунгом «Голосуй или проиграешь». Образы советской истории как истории репрессий ассоциировались с «коммунистом» Г. Зюгановым, намеревающимся вернуть Россию в прошлое. Они были объединены и систематизированы в виде символического ряда: наручники, колючая проволока, тюремная роба. Этому ряду противопоставлялся другой, представлявший образы, которые символизировали свободу и ассоциировались с «демократом» Б. Ельциным.

В 2000-е годы отношение к советской истории начинает меняться – возрождается интерес к советскому прошлому, происхо-

¹ Концепция «переворачивания стереотипов» была предложена российским политическим психологом А. Назаретяном [Назаретян, 2005].

дит своеобразное «возвращение» («обратное переворачивание») многих образов и символов, пришедших из советской мифологии.

Все более заметным становится интерес к этим образам и символам в виде рекламы давно забытых старшими поколениями и вообще неизвестных молодежи брендов из советской обыденной жизни (чай со слонем, пельмени с ложкой, пломбир за 48 копеек и др.), а также в документах и агитационных материалах государственных органов и политических партий.

Образы и символы, взятые из советского прошлого, равно как и само это прошлое, начинают выглядеть как некое мифологическое пространство «стабильности» и «уверенности в завтрашнем дне», ассоциирующееся не с репрессиями и лагерями, а с фигурой олицетворяющего эту стабильность Л. Брежнева.

Процесс не только социокультурной, но и политической самоидентификации граждан России неизменно сопровождался образом своеобразного мифологического героя – Чебурашки¹ – символа, отражавшего разные формы самоидентификации (от «Чебурашки» с автоматом Калашникова до «Чебурашки за честные выборы» с белой ленточкой на груди).

В агитационных материалах ряда общественных организаций рубежа 2000–2010-х годов можно встретить мифологизированные образы героев советской истории, которым присваивались символические характеристики («Маршал Победы» Г. Жуков, «символ славы отечественного оружия» М. Калашников², «человек-легенда» Ю. Гагарин и др.). При этом, например, изображение Ю. Гагарина в совершенно разных контекстах использовалось одновременно молодежным движением «Наши» (Гагарин в футболке с надписью «НАШИ»), Ленинским коммунистическим союзом молодежи (в рамках проекта «Он был коммунистом») и рядом православных организаций (в рамках проекта «Они родились третьими», продвигавшего образ успешного ребенка из многодетной семьи).

¹ Чебурашка – персонаж повестей Э. Успенского (более известный большинству по мультфильмам), ищущий свою идентичность.

² В одной из статей газеты «Metro Москва» рассказывалось, что в некоторых странах Африки, где автомат Калашникова был главным оружием революционеров, его наделяли магическими свойствами, а имя Калаш приобрело мифологические характеристики, так как носителю его мистическим образом передавалась сила автомата [Михаил Калашников... 2013].

Эту тенденцию можно рассматривать как актуализацию мифологических символов и стереотипов, свойственных иным, более ранним периодам истории, в ситуации не до конца сформированной российской идентичности.

Мифологизация образа И. Сталина

В 2000-е годы происходит постепенное возвращение в политический дискурс мифологического героя / антигероя И. Сталина. Показательный пример: в конкурсе «Имя России», организованном в 2008 г. Институтом истории РАН и телеканалом «Россия», Сталин периодически занимал первое место в интернет-голосовании и лишь к моменту подведения окончательных итогов переместился на третье.

Анализируя в начале 2010-х годов результаты исследований политических ценностей и представлений российской молодежи, А. Селезнева отмечала, что уважительное отношение к Ленину и Сталину испытывают не только пожилые граждане (что вполне понятно), но и молодые россияне: эти персонажи наряду с Петром I периодически входят в тройку исторических деятелей, которых молодежь считает политическими лидерами [Селезнева, 2014]. Молодые люди восхищаются способностью Ленина «повести за собой массы», а образ Сталина ассоциируют прежде всего с ценностями порядка и сильного государства.

Непримиримость сегодняшней политической борьбы вокруг образа Сталина можно объяснить тем, что он до сих пор остается полностью мифологизированным, лишенным каких бы то ни было индивидуальных черт и воспринимается массовым сознанием (а также участвующими в дискуссиях политиками и журналистами) либо как мифологический Герой, либо как символ абсолютного Зла, примирение между которыми невозможно в принципе.

В современном политическом дискурсе относительно системная и целенаправленная актуализация образов советской мифологии берет отсчет с начала 2010-х годов. Процесс этот происходит одновременно на двух уровнях – в массовом сознании и в политической коммуникации.

При этом если в агитационных материалах КПРФ и ряда других «левых» организаций (РОТ Фронт, «Коммунисты России»)

символы советской мифологии используются в их непосредственном значении, как символы возврата к этому прошлому (от напоминания о достижениях СССР в различных областях до характерных для советской пропаганды символических образов трудящихся и капиталистов), то государственная символическая политика старается избежать подобных ассоциаций. На плакате, посвященном 50-летию первого полета человека в космос, на шлеме Юрия Гагарина не оказалось привычной многим надписи «СССР». Позже с юбилейного плаката, приуроченного к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, исчезли все символы, напоминающие о Советском Союзе, в том числе привычный красный цвет. Удачная находка в этом плане – георгиевская ленточка, она стала популярным символом памяти о войне, не ассоциирующимся напрямую с советским прошлым.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, образы прошлого в массовом сознании российских граждан имеют явный мифологизированный характер, выражающийся прежде всего в персонализации политических представлений, стремлении наделить фигуры прошлого обобщенными положительными чертами и характеристиками («Александр Невский – спаситель земли русской», «Петр Великий – создатель империи» и т.п.). С одной стороны, указанная тенденция связана с активизацией государственной «политики памяти» в информационной и культурной сферах, стремлением действующей власти к легитимации через обращение к прошлому. С другой стороны, серьезное внимание российского общества к поиску собственных мифологических «корней» отражает не до конца преодоленный кризис национально-государственной идентичности; слабость ценностных и символических оснований, которые могли бы составить основу консолидированного образа будущего.

Во-вторых, в начале XXI столетия в массовом политическом сознании России все более прочное место занимают мифологические компоненты, заимствованные из советской истории. Формируется отчетливо выраженный позитивный дискурс советского прошлого, основанный на симбиотическом, ярко выраженном по-

ложительном восприятии знаковых событий (Великая Победа, «первые в космосе», «великая русская революция») и персоналий (Ленин, Сталин, Г. Жуков и др.) в контексте традиционных российских ценностей («сильное государство», «справедливость», «борьба с коррупцией»). Такая тенденция в известной мере способствует консолидации массовых исторических представлений в их темпоральном измерении, отказу от противопоставления различных периодов российской истории.

В-третьих, пространство политических мифов в современной России сильно фрагментировано. При этом все более выраженные черты приобретает политико-психологический эффект симулякра – ситуации, когда смысловая и оценочная составляющие уступают место символической идентификации. Это проявляется, в частности, в стремлении различных политических сил использовать одни и те же образы-события (Великой Победы) и образы-персоны (Сталина, Ю. Гагарина и др.) в разных политических ситуациях и контекстах. Подобная тенденция свидетельствует об известной внутривнутриполитической деидеологизации российского общества. История уже не воспринимается как поле битвы «Добра» и «Зла», «белых» и «красных», «коммунистов» и «демократов», «западников» и «патриотов». С другой стороны, гипертрофированное внимание части общества к эмоциональным и символическим аспектам прошлого¹ рельефно демонстрирует кризис когнитивной составляющей, дефицит масштабных смыслов в современной российской политике.

Список литературы

- Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
- Барт Р.* Мифологии / Пер. с фр. Зенкин С.Н. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 459 с.
- Бушуев В.В., Титов В.В.* Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в ее формировании (теоретико-методологический анализ) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – М., 2011. – С. 77–93.

¹ В связи с этим можно вспомнить дискуссию о переименовании станции метро «Войковская» или негативную реакцию на появление мемориальной доски К. Маннергейму в Санкт-Петербурге.

- Волкан В., Оболенский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика с политическим комментарием // *Общественные науки и современность*. – М., 1992. – № 6. – С. 76–142.
- Головашина О.В. Образ Советского Союза в социальной памяти современных россиян (на материалах эмпирического исследования) // *Социально-экономические явления и процессы*. – Тамбов, 2013. – № 11 (57). – С. 193–198.
- Гражданская, этническая и региональная идентичность: Вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: РОССПЭН, 2013. – 485 с.
- Дробижева Л.М. Российская идентичность в массовом сознании // *Вестник Российской нации*. – М., 2009. – Т. 3, № 1. – С. 135–144.
- Евгеньева Т.В. Место мифологических образов в восприятии политических явлений и процессов // *Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН*. – М., 2015. – Вып. 3: Политические функции мифов. – С. 79–92.
- Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И.С. Семенов – М.: РОССПЭН, 2012. – Т. 1. – 470 с.
- Михаил Калашников: Факты // *Метро Москва*. – М., 2013. – № 162, 24 декабря. – С. 4.
- Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 т. – СПб., 2002. – Т. 2. – 279 с.
- Киселев И.Ю. Проблема образа государства в международных отношениях: Конструктивистская парадигма // *Политэкс*. – СПб., 2007. – № 3. – С. 253–260.
- Колеров М.А. «Историческая политика» в современной России: Поиск институтов и языка // *Русский сборник. Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М. Йованович, М.А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти*. – М.: Издатель Модест Колеров, 2014. – Т. 16. – С. 441–480.
- Лебон Г. Психология народов и масс. – М.: Академический проект, 2011. – 238 с.
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. *Философия. Мифология. Культура*. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – С. 21–186.
- Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: *Политическая энциклопедия*, 2015. – 207 с.
- Миллер А.И. Политика памяти в России: Год разрушенных надежд // *Полития*. – М., 2004. – № 4 (75). – С. 49–57.
- Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – М.: Академический проект, 2011. – 396 с.
- Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения. Толпа, Слухи и политические рекламные кампании. – 2-е изд., перераб. – М.: Изд. центр «Академия», 2005. – 160 с.
- Нечаев В.Д. Региональный миф в политической культуре современной России. – М.: Изд-во Ин-та Африки РАН, 1999. – 158 с.
- Ольшанский Д.В. Психология масс. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.
- Самаркина И.В. Политическая картина мира: Опыт и проблемы концептуализации // *Человек. Сообщество. Управление*. – Краснодар, 2012. – № 1. – С. 49–59.
- Селезнева А.В. Молодежь в современной России: Политические ценности и предпочтения. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014. – 276 с.
- Семенов И.С. Метаморфозы европейской идентичности // *Полис. Политические исследования*. – М., 2008. – № 3. – С. 80–96.

- Сикевич З.В.* Россия в русском самосознании // Социологическая наука и социальная практика. – М., 2014. – № 4. – С. 67–86.
- Следзевский И.В.* Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // Общественные науки и современность. – М., 2011. – № 2. – С. 141–156.
- Сорель Ж.* Размышления о насилии / Пер. с франц. Б. Скуратов, В. Фриче. – М.: Фаланстер, 2013. – 293 с.
- Тимофеев И.Н.* Политическая идентичность России в постсоветский период: Альтернативы и тенденции: Монография. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 175 с.
- Флад К.* Политический миф / Пер. с англ. А. Георгиева. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 264 с.
- Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Сумерки богов / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.П. Сартр; Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. – М.: Изд-во политической литературы, 1990. – С. 94–142.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
- Шестопал Е. Б.* Представления, образы и ценности демократии в российском обществе // Полития. – М., 2011. – № 3. – С. 34–47.
- Элиаде М.* Космос и история. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.
- Элиаде М.* Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
- Элиаде М.* Аспекты мифа. – М.: Инвест – ППП, 1996. – 240 с.
- Юнг К.* Душа и миф. Шесть архетипов. – М.: Харвест, 2005. – 400 с.
- Юнг К.* Психология бессознательного. – М.: Канон, 1994. – 320 с.
- Cassirer E.* The myth of the state. – New Haven: Yale univ. press, 1946. – 303 p.
- Halbwachs M.* The collective memory. – N.Y.: Harper & Row Colophon Books, 1980. – 182 p.
- Hutton P.* The memory phenomenon in contemporary historical writing: How interest in memory has influenced our understanding of history. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. – 420 p.
- Nora P.* Between memory and history: Les lieux de memoire // Representations. – Berkeley, CA, 1989. – N 26 (special issue): Memory and counter-memory. – P. 7–24.
- Smith A.* Myths and memories of the nation. – N.Y.: Oxford univ. press, 1999. – 286 p.
- The invention of tradition / E. Hobsbawm, Ranger T. (eds). – Cambridge: Cambridge univ. press, 1983. – 320 p.